

Максим Николаевич ШЕВЧЕНКО¹

УДК 930

О МЕХАНИЗМАХ ФОРМИРОВАНИЯ САКРАЛЬНОГО ОБРАЗА ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ЧИНА ВЕНЧАНИЯ НА ЦАРСТВО)

¹ кандидат исторических наук, преподаватель,
Омская духовная семинария
Омской Епархии Русской Православной Церкви
(Московского Патриархата)
omskseminaria@yandex.ru

Аннотация

Целью настоящей работы является определение сущности механизмов формирования сакрального образа царской власти на примере чина венчания на царство. Для этого нужно решить ряд задач: выявить специфику и обусловленность структурных элементов церемонии венчания на царство; раскрыть смысловые значения ключевых компонентов обряда; установить направленность и характер действия применяемых в церемонии венчания инструментов, ориентированных на формирование уникального образа власти.

В работе использовались историко-генетический и сравнительно-исторический методы исследования. На основе анализа источниковой базы и литературы в статье делаются выводы, что при составлении обряда коронации в чин венчания были заложены приемы, направленные на создание у населения представления о том, что царская власть покоится на двух основаниях — «Божья Воля» и «Соборность».

Автором статьи утверждается, что титул Царь интерпретировался в вероучительном ключе, сближая монарха с библейскими царями. Особый вид обряда миропомазания создавал неповторимую харизму власти. Венчанию монарха на царство составители чина придали форму особого рода богослужения. Передвижение царской процессии между храмами по форме и содержанию коррелировало с крестным ходом. После за-

Цитирование: Шевченко М. Н. О механизмах формирования сакрального образа царской власти во второй половине XVI века (на примере чина венчания на царство) / М. Н. Шевченко // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Том 3. № 1. С. 132-145.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-1-132-145

вершения обряда присутствовавшие на церемонии имели возможность прикоснуться к «священному», стать обладателями фрагментов материи, постилавшейся под ноги царя и Первосвященителя. Использование многочисленных драгоценностей формировало «эстетику царской власти», с помощью которой передавалась мысль о неизреченном, таинственном взаимодействии Бога и человека. Церемония коронации связывала «священное» и «мирское», русское общество и государство «вписывалось» составителями чина в сакральное время и пространство христианской истории.

Ключевые слова

Чин венчания на царство, механизмы формирования сакрального образа царской власти, «эстетика царской власти», царские инсигнии.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-1-132-145

Одним из условий успешного развития государства является степень и глубина реализации во внутри- и внешнеполитической деятельности правительства присущих политической элите идеальных образов устройства страны. В контексте данной методологической установки монархия рассматривается как «...система власти, которая не способна существовать без одновременного порождения мифической реальности, без постоянно возобновляемой, избрательной репрезентации в словесных, артистических, поведенческих, архитектурных и прочих образах» [12, с. 43-44]. Для создания в обществе благоприятного восприятия и отношения к государственной власти верхи, используя различные формы презентации, осуществляют ретрансляцию идеальной модели власти.

Чин венчания на царство является частью репрезентативного комплекса, направленного на формирование общественного мнения. Поскольку обряд коронации принято относить к группе церемоний, в которых с особой ясностью и полнотой находили выражение ключевые политические идеи об основах власти и миссии монарха [1, с. 255], то чин венчания не теряет своей научной актуальности и продолжает оставаться предметом исследования ученых [4, 20, 25, 26].

Цель данного исследования состоит в определении сущности механизмов формирования сакрального образа царской власти на примере чина венчания на царство. Сформулированная цель предполагает решение следующих задач: выявление специфики и обусловленности структурных элементов церемонии венчания на царство; раскрытие смысловых значений ключевых компонентов обряда; установление направленности и характера действия применяемых в церемонии венчания инструментов, ориентированных на формирование уникального образа власти.

По всей видимости, обряд поставления на царство задумывался как грандиозный церковно-государственный праздник. Проецируя на массовое сознание желаемый образ власти, обряд имел назначение сформировать каркас модели общественно-политического устройства. Сквозь призму повествования о цер-

ковно-религиозных и общественно-политических задачах материализовывался величественный замысел царской власти. Из чина широкие слои общества узнавали о природе происхождения царской власти, обстоятельствах возникновения царского титула и царского сана на Руси, истоках древнейшей традиции преемственности власти российских монархов. Церковь, являющаяся мерой и гарантом подлинности и значимости повседневной жизни человека в контексте сотериологических и эсхатологических идей, освящала обряд коронавания своим авторитетом.

Венчанию на царство предшествовали подготовительные мероприятия. В частности, накануне царского поставления правительство рассылало приглашительные письма по российским городам и в столицы иностранных государств. Великий князь мог пожаловать чины и повышение по службе, помиловать заключенных [15: 230].

В обряде коронавания можно выделить две основные части: церемониальные действия вне храма Успения Богородицы и в Успенском соборе. Вне храма происходили следующие мероприятия: перенос царских инсигний в Успенский собор, шествие государя в сопровождении многочисленной свиты в храм Успения Богородицы, а после завершения обряда коронавания — из храма Успения в Архангельский и Благовещенский соборы. Все они являлись древнейшими храмами Московского Кремля.

На протяжении многих столетий соборы представляли собой центр церковно-религиозной и общественной жизни страны и непосредственным образом были связаны с жизнью Великих князей. В Благовещенской церкви государей крестили и венчали с супругой. Храм Благовещения Богородицы служил домовою церковью российских государей, в нем хранились священные реликвии: мощи, особо почитаемые иконы, старинные книги, драгоценные сосуды. Настоятель Благовещенского собора, как правило, являлся духовником царя. В Успенском соборе ставили на Великое княжение/царство. Здесь же проходила интронизация митрополитов/патриархов. С XIV в. собор стал усыпальницей глав Русской Церкви. В частности, в соборе покоится прах московских чудотворцев — митрополитов Петра и Ионы. Также в храме оглашали государственные акты, служили молебны перед военными походами и в честь побед. Со времен Иоанна Калиты Архангельский собор стал служить усыпальницей великокняжеского рода. Великие князья совершали в храме молитвы перед тем, как отправиться на войну. Здесь же приносили клятву верности Великому князю его младшие братья [2, 7, 11, 13, 18, 19, 22, 24]. Таким образом, в основе чина венчания на царство находилась церковно-религиозная и общественно-политическая традиция Московского государства, связанная с именами митрополита Петра и Великого князя Иоанна Даниловича.

Первой церемонией обряда коронавания являлся перенос царских регалий в Успенский собор. Протопоп Благовещенского собора получал золотое блюдо с царским саном непосредственно из рук государя, ставил блюдо на голову и в сопровождении царского казначея, который нес в руках скипетр, а также вельмож

и «иных благородных» (по другой версии, несколько человек несли царские регалии [15, с. 230]) направлялся в Успенский собор, где их ждали митрополит и архиепископы. Во время движения процессии во всех храмах столицы звонили в колокола [3, с. 44; 21, с. 73].

Еще более величественно проходила церемония шествия государя из царских палат в соборную церковь. Перед Великим князем шел его духовник с крестом в руках, крестообразно окропляя святой водой путь до Успенского храма. За Великим князем следовали его ближайшие родственники по мужской линии — братья, дети и т. д. За ними шли бояре, вельможи, княжата, дети боярские и «все благородные юноши» в большом количестве. По обе стороны от государя, ограждая его от массы людей, в богато украшенной одежде шли окольные и «прочие чиновники». Образуя живой коридор, по обе стороны от царского шествия, стояли многочисленные гости и жители столицы. Стрельцы строго следили за тем, чтобы никто не прошел перед государем по пути его следования в Успенский храм [3, с. 45; 21, с. 74]. Описание передвижения царской процессии, по-видимому, имело много общего с крестным ходом, но осуществлялось более величественно, торжественно и масштабно.

После завершения обряда коронации царское шествие точно в таком же составе и порядке продолжилось до Архангельского, а затем и до Благовещенского храмов. В пути государя осыпал золотыми и серебряными монетами брат или «кто из близких». Иоанна IV монетами осыпал брат Юрий Васильевич, Федора Иоанновича — боярин князь Иван Федорович Мстиславский [3, с. 65; 15, с. 232; 21, с. 73].

По всей видимости, путь государя Федора Иоанновича между царскими палатами и храмами был смонтирован в виде некоторого возвышения над землей. В летописи говорится о том, что ткани постлались по «переходами» [15, с. 230]; у Джерома Горсея: «были сделаны для него, с его князьями и знатью, подмостки в 150 морских сажень длиной, в две шириной и на три фута поднятые над землей, чтобы они могли пройти из одной церкви в другую через напиравшую толпу...» [9, с. 144].

Присутствующие на коронации чужеземные послы, вероятно, были призваны засвидетельствовать царский титул нового монарха и важное, мировое, значение проводимого мероприятия. Так, поздравить Великого князя Федора Иоанновича с восхождением на престол в Москву «приезжали послы от турок, персов, бухарцев, крымцев, грузин, от разных татарских князей... германского императора, королей польского, шведского, датского и др.» [9, с. 148].

Для создания атмосферы неповторимого церковно-государственного праздника в обряде венчания на царство использовались самые благородные ткани, драгоценные металлы, камни и жемчуг. К примеру, весь путь шествия царя и царское место в Успенском соборе накрывали червцом (пурпурной тканью). Расстояние от «царского места» до Царских врат поверх червца покрывали камкой (шелковая цветная ткань с разными узорами и разводами) и красным бархатом [3, с. 43; 15, с. 230; 21, с. 73]. Согласно свидетельству современников,

путь шествия царской процессии также украшали золотой парчой и алым ста-метом (плотная, гладкая шерстяная ткань полотняного переплетения, обычно красного цвета) [9, с. 144]. Одежда знати была сшита из дорогих тканей с многочисленными украшениями из золота, серебра и драгоценных камней. Поволока (тонкая ткань, предназначавшаяся для покрытия священных сосудов и царских инсигний) была вышита золотой нитью с использованием драгоценных камней и жемчуга. Полавочки были сотканы из дорогой материи. С использованием золота и драгоценных камней изготавливались царские регалии и священные сосуды. Золото и драгоценные камни были повсюду. Ими же украшали лошадиную упряжь [3, с. 43; 9, с. 144-145; 15, с. 230; 21, с. 73]. На наш взгляд, щедрое использование в обряде коронования аристократических тканей, жемчуга, драгоценных металлов и камней создавало неповторимую «эстетику царской власти». Уникальная гармония света и цвета передавала мысль о неизреченном, таинственном, имеющем диалектический характер взаимодействии Бога и человека. По-видимому, эстетическое великолепие создавало реальное ощущение сопричастности церемонии и, в первую очередь, ее главных действующих лиц, царя и митрополита/патриарха Божественному Промыслу.

Кульминацией обряда венчания являлись действия, разворачивавшиеся в храме Успения Богородицы. Церемония в соборе выстраивалась вокруг последовательного возложения на государя царских инсигний. Этому предшествовали речь Великого князя-отца (если он был жив) к митрополиту, речь поставляемого Великого князя к митрополиту, речь митрополита к нареченному Великому князю. В речах Великих князей определялся порядок передачи прав на Великое княжение и царское венчание [3, с. 47; 21, с. 75-76].

После произнесения речей на царя возлагался животворящий крест. Затем читалась ектенья: «Снова и снова миром Господу помолимся». Далее митрополит произносил молитву «Господи Боже наш, Царь царствующих и Господь господствующих, который чрез пророка Самуила избрал раба Своего Давида». Вслед за молитвой на Великого князя возлагались святые бармы. Затем митрополит вполголоса читал молитву «Тебе единственному Царю веков, Который наделяет земными царствами, преклоним голову и помолимся». После на голову монарха возлагался царский венец, государю передавался скипетр, который Великий князь брал правой рукой [3, с. 51-53; 21, с. 76-78]. Ектенью «Помилуй нас, Боже» государь слушал уже стоя во всем царском облачении. После ектеньи митрополит говорил молитву «О Пресвятая Госпожа Дева Богородица». Затем читалось: «Многая лета Великому князю» [3, с. 54; 21, с. 78-79]. Далее государь слушал поздравление от митрополита, архиепископов, епископов и всего священного собора [3, с. 55; 21, с. 79]. На данном этапе чина венчания на царство появляется имя царицы, которой, как и царю, желали долголетия.

Перед миропомазанием митрополит произносил поучение Великому князю, в котором довольно подробно излагались принципы церковно-государственных отношений, общественного устройства и пути духовного совершенствования личности монарха [3, с. 56; 21, с. 79-82]. За поучением следовала божественная

литургия, на которой митрополит осуществлял помазание самодержца перед раскрытыми Царскими вратами. Вслед за миропомазанием происходило причащение: Первосвященник становился в створе Царских врат, к нему подходил государь и принимал Святые Дары. После чего Предстоятель и весь священный собор поздравляли князя с венчанием на царство. Затем Первосвященник давал государю в руки просфору [3, с. 63-64; 21, с. 82-84].

После завершения церемонии коронования в церкви Успения Богородицы народ, стремясь оставить себе на память о царском венчании какую-либо вещь, обдирает царское место и царский путь [3, с. 66; 21, с. 85]. При этом «... народа было так много, что некоторые в то время были задавлены до смерти в этой толчее» [9, с. 143]. По свидетельству очевидцев, обряд коронования являлся настолько выдающимся и масштабным мероприятием, что все присутствовавшие на нем длительное время находились под впечатлением от данного церковно-государственного праздника [9, с. 145]. По-видимому, трактовка поднимаемых в ходе обряда коронования вопросов продуктивно проецировалась на общественное сознание.

В чине венчания на царство особое внимание следует обратить на миропомазание Великого князя. Со стороны совершение таинства было очень похоже на миропомазание, осуществляемое над каждым православным человеком в день его Крещения. Для непосвященных это выглядело так, будто в отношении российского государя одно и то же таинство в его жизни совершалось дважды. Уникальность миропомазания российских монархов продолжает вызывать интерес и являться предметом научных изысканий. Среди части исследователей становится все более популярной точка зрения о том, что в России царь в обряде помазания миром уподоблялся Христу [10, с. 116; 23, с. 144-150]. На наш взгляд, данная точка зрения является дискуссионной. В тексте чина венчания на царство акцент делался на величии и могуществе Бога в трех лицах, который является источником силы, власти, могущества, опоры, защиты для Своего Творения. В частности, в молитвах чина подчеркивается величественный образ Бога Слова, используется ряд «царских» имен Иисуса Христа: «Царь царствующих и Господь господствующих» (Откр. 19:16; 1Тим. 6:15), «Царь веков» (1Тим. 1:17), «Царь мира» (Евр. 7:2). Перечисленные имена Христа неоднократно употребляются в богослужении [5], в праздничных канонах [17], молитвах [16], а также в иконописи [8]. Данные божественные имена указывают на образы «Христа во Славе», «Спаса в Силах» и связаны с темой Второго Пришествия Иисуса Христа. Одновременно они указывают на образ всемогущего защитника. Также в молитвах чина венчания на царство содержится прошение о помощи государю со стороны Христа и Богородицы: благослови, удостой, наставь, защити, огради, укрепи, утверди. Царь именуется «верным Господу рабом» [3, с. 51-52; 21, с. 77-79].

Едва ли следует переоценивать расположение царского места напротив Царских врат иконостаса и делать из этого обстоятельства вывод, что монарх соотносился с образом Христа. Во-первых, Христа олицетворял Предстоятель,

выходивший во время службы из алтарной части храма навстречу государю. После завершения литургии Первосвященитель брал в руки просфору и шел по «царскому пути» к монарху, по-видимому, и в данном случае олицетворяя Христа. Архиепископы и епископы шли по обе стороны вдоль «царского пути», не имея права ступить на него ногой [3, с. 64; 21, с. 84]. Во-вторых, в обряде подчеркивалось, что Предстоятель выступал посредником между божественным миром и государем в церемонии венчания на царство: «...венчан ты царским венцом по благодати Святого Духа и матери Пречистой Богородицы и по благословию великого чудотворца Петра митрополита Киевского и всея Руси и всех святых молитвами, и по благословию приснопамятного святого отца твоего Великого князя Василия Ивановича всея Руси самодержца, и по данной нам (т. е. митрополиту — М. Ш.) благодати от Святого животворящего Духа, рукоположением нашего смирения с архиепископами и епископами русской митрополии и со всем священным собором...» [3, с. 56]. В-третьих, на царском месте ставили два стула для Первосвященителя и Великого князя, которые в определенный момент обряда сидели или стояли рядом. В-четвертых, в ходе литургии самодержец неоднократно снимал царский венец и совершал два или три поклона [3, с. 60-61; 21, с. 82-83]. Перед миропомазанием Великий князь передавал скипетр и венец на золотом блюде своему брату или родственнику [3, с. 62-63; 21, с. 83]. На наш взгляд, указанными действиями государя подчеркивалась дихотомия божественной и человеческой природ, составляющих основу идеологии царской власти в частности и христианской антропологии в целом.

Показательным является и то обстоятельство, что, согласно чину венчания, после завершения обряда коронования в храме Успения Богородицы царь в продолжение праздничной церемонии отправлялся в храм Св. Архангела Михаила — усыпальницу Великих князей московских. Цель посещения царем Архангельского собора сформулирована в тексте чина венчания довольно четко: «Царь прикладывается к гробам Великих князей» [3, с. 65; 21, с. 84]. Среди прочих возможных значений посещения царем Архангельского собора одно, как нам думается, лежит на поверхности и просматривается с очевидностью: напоминание государю о его земной тленности и скоротечности земного бытия.

В целом, ни для чина венчания на царство, ни для общественного мнения того времени не была характерной идея, что земной царь является олицетворением Небесного Царя. В тексте чина довольно отчетливо проводится мысль, что источник царской власти божественен, а сама власть сакральна, но носителем власти является человек, чья природа далека от совершенства. Поэтому в чине коронования часто говорится о «страхе божьем», о добродетели, о милости, и совершается особый вид обряда миропомазания.

Вместе с тем необходимо согласиться с утверждением, что в контексте литургии миропомазание придает царю особую харизму власти [10, с. 56-57]. Данная точка зрения подкрепляется позицией Церкви: «В совершаемом св. Церковью царском миропомазании и подается сугубая благодать Св. Духа, уму-

дряющая и укрепляющая Боговенчаных Государей на предстоящий им священный подвиг царского служения. ... Это миропомазание не есть особое таинство или повторение Миропомазания, совершаемого над каждым православным христианином после Крещения... а лишь особый вид или высшая степень таинства Миропомазания...» [6, с. 995; 14, с. 138].

Итак, чин венчания на царство ярко и эффективно презентовал сакральный образ государственной власти. Царская власть трактовалась как особого рода служение в контексте осуществления Божественного Промысла. В церемонии обряда создавался неповторимый по своей природе и полномочиям образ монархии, для этого использовался ряд приемов.

1. Формирование грандиозного по своему масштабу мероприятия. Обряду коронования придавался статус уникального церковно-государственного праздника. Церемония проводилась в присутствии всей церковной иерархии, феодальной аристократии, государевых служащих и при большом стечении народа. Как правило, в день коронования в Москве находилось большое количество иностранных подданных, послов и купцов. В коронационных мероприятиях было задействовано множество драгоценных предметов, передававших неповторимый статус праздника.
2. Формирование «божественного основания» царской власти. Титул «царь» интерпретировался в вероучительном ключе, сближая монарха с библейскими царями и апеллируя к божественному авторитету. Как следствие, в молитвах и словах митрополита, обращенных к Великому князю, подчеркивались неповторимые церковно-государственные полномочия царской власти. Особый вид обряда миропомазания создавал единственную в своем роде харизму власти, придавая правлению государя сакральную ауру. Венчание монарха на царство получило вид особого рода богослужения. Передвижение царской процессии между храмами по форме и содержанию коррелировало с крестным ходом. Церемония облачения монарха в царский сан в Успенском храме по форме напоминало богослужение с многочисленными молитвами, ектеньями, тропарями и т. д.

Переход государя в новый церковно-политический статус подчеркивался внешним видом «царского пути» и «царского места». Та часть «царского пути», которая лежала между храмами, возвышалась над земной поверхностью, царь словно парил над землей. Собираемое в день поставления монарха «царское место» представляло собой двенадцатиступенчатую конструкцию и располагалось напротив Царских врат, очевидно, доминируя над нижней частью храмового пространства, возвышая государя по символической вертикали «земля — небо». Церемония коронации связывала «священное» и «мирское»: с одной стороны, в церемонии подчеркивалось величие власти и уникальность эпохи, с другой — русское общество и государство «вписывалось» составителями чина в сакральное пространство и время христианской истории.

3. Формирование «соборного основания» царской власти. Различные слои общества имели возможность наблюдать перемещение царской процессии, представители знати становились участниками шествия, а особо приближенные ко двору находились с государем в храме и прислуживали ему, в надлежащие моменты принимая из рук государя царский сан, осыпая Великого князя монетами и т. д. После завершения обряда присутствовавшие на церемонии имели возможность в буквальном смысле прикоснуться к священному. Людям предоставлялась возможность стать обладателями фрагментов материи, постилавшейся под ноги царя и Первосвятителя, а также материи, которой было обито «царской место».
4. Использование многочисленных драгоценностей формировало «эстетику царской власти», которая указывала на причастность возводимого на трон монарха к божественному величию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев И. Л. Образ шествующей власти. Первые Романовы в церковных и придворных церемониях / И. Л. Андреев; под ред. М. А. Бойцова, О. Г. Эксле // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время. М.: Наука, 2008. С. 245-276.
2. Архангельский собор Московского Кремля. / Сост. и науч. ред. Н. А. Маясова. М.: Красная площадь, 2002. 440 с.
3. Барсов Е. В. Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами. С историческим очерком чинов царского венчания в связи с развитием идеи царя на Руси / Е. В. Барсов. М.: Университетская типография, 1883. 204 с.
4. Богданов А. П. Чины венчания российских царей / А. П. Богданов // Культура средневековой Москвы XIV-XVII вв. М.: «Наука», 1995. С. 211-224.
5. Божественная Литургия Святого Отца нашего Василия Великого. Служебник. URL: <http://azbyka.ru/bogoslužhenie/slugebnik/slug06.shtml>
6. Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей: Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства / С. В. Булгаков. М.: Издательский отдел Московского патриархата, 1993. 1794 с.
7. Владимирская В. В. К вопросу об истории строительства Благовещенского собора Московского Кремля / В. В. Владимирская // Художественные памятники Московского Кремля. М., 2003. С. 146-163.
8. Гладышева Е. В., Нерсесян Л. В. Словарь-указатель имен и понятий по древнерусскому искусству. URL: <http://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-ukazatel-imen-i-ponjatij-po-drevnerusskomu-iskusstvu/257>
9. Горсей Джером. Записки о России. XVI — начало XVII в. / Горсей Джером; под ред. В. Л. Янина; пер. и сост. А. А. Севастьяновой. М.: Изд-во МГУ, 1990. 288 с.

10. Живов В. М. Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России / В. М. Живов, Б. А. Успенский // Языки культуры и проблемы переводимости. М.: Наука, 1987. С. 47-153.
11. Извеков Н. Д. Московский придворный Благовещенский собор / Н. Д. Извеков. М.: Рус. печатня, 1911. 120 с.
12. «Как сделана история» (Обсуждение книги Р. Уортмана «Сценарии власти. Мифы и церемонии российской монархии») // Новое литературное обозрение. 2002. №. 56(4) С. 42-66.
13. Лебедев А. Московский кафедральный Архангельский собор / А. Лебедев. М.: Тип. Л. Ф. Снегирева, 1880. 395 с.
14. Лебедев П. Наука о богослужении Православной Церкви / П. Лебедев. М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1885. Ч. II. 181 с.
15. Полное собрание русских летописей. Т. XXXIV. М.; Л.: Наука, 1978. 304 с.
16. Святитель Филарет Московский (Дроздов). Молитвы. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Filaret_Moskovskij/molitvy
17. Симеон (священноинок). Каноны празднику Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogosluzhenie/kanony-prazdniku-preobrazhenija-gospoda-boga-i-spasa-nashego-iisusa-hrista/
18. Снегирев И. М. Архангельский собор в Московском Кремле / И. М. Снегирев. М.: Изд. А. Мартынова, 1865. 48 с.
19. Снегирев И. М. Благовещенский собор в Москве / И. М. Снегирев. М.: Тип. Ведомостей Моск. гор. полиции, 1854. 50 с.
20. Соболева Н. А. Символы русской государственности (К истории эмблем Российской державы) / Н. А. Соболева; отв. ред-ры: А. Н. Сахаров, П. Каталано // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в.: VI междунар. семинар ист. исслед. «От Рима к Третьему Риму», Москва, 28-30 мая 1986 г. М.: ИРИ, 1997. С. 314-325.
21. Собрание государственных грамот и договоров. М.: Типография Селивановского, 1819. Ч. II. 612 с.
22. Толстая Т. В. Успенский Собор. Путеводитель / Т. В. Толстая. М.: «Куна», 2009. 216 с.
23. Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление) / Б. А. Успенский. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 680 с.
24. Успенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования / Отв. ред. Э. С. Смирнова. М.: Наука, 1985. 264 с.
25. Хорошкевич А. Л. Символы русской государственности / А. Л. Хорошкевич. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. 96 с.
26. Щапов Я. Н. К изучению «Чина венчания на царство» Ивана IV / Я. Н. Щапов; / Отв. ред. А. Н. Сахаров. // Римско-константинопольское наследие на Руси: Идея власти и политическая практика: IX Международный Семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму» (Москва, 29-31 мая 1989 г.). М.: Наука, 1995. 213-225 с.

Maksim N. SHEVCHENKO¹

**FRAMING THE SACRED IMAGE
OF TSAR POWER IN THE SECOND HALF
OF THE XVI CENTURY
(THE CORONATION CEREMONY)**

¹ Cand. Sci. (Hist.), Lecturer,
Omsk Seminary in Omsk Diocese
of the Russian Orthodox Church
(Moscow Patriarchate)
omskseminaria@yandex.ru

Abstract

The goal of the article is to determine the nature of framing the sacred image of tsar power on the example of the coronation ceremony. The formulated objective involves the following tasks: identifying the specifics and interconnection of the structural elements of the coronation ceremony; disclosing the meanings of key components of the rite; identifying the direction and the nature of the activities used in the coronation ceremony as the tools aimed at framing of the unique image of the tsar authority. In the article we employ the historical-genetic and historical-comparative research methods. The analysis of the source base and literature reveals that the coronation ceremony involves the techniques aimed at creating the idea that Tsar power rests on two foundations — “God’s Will” and “Sobornost’”. The author argues that the title of Tsar was interpreted in the religious vein, bringing a monarch together to biblical kings. The specificity of the Confirmation rite promoted for the unique charisma of power. The coronation ceremony was given the form of worship. The movement of the Tsar procession between the temples correlated with the cross procession. After the procession those who were present at the ceremony were able to touch the “sacred”, thus becoming owners of fragments of the matter, which was spread under the feet of the Tsar and the Primate. Numerous jewels formed the “aesthetics of Tsar power”,

Citation: Shevchenko M. N. 2017. “Framing the Sacred Image of Tsar Power in the Second Half of the XVI Century (the Coronation Ceremony)”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 3, no 1, pp. 132-145.
DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-1-132-145

through which the idea of ineffable, mysterious interaction between God and man was transmitted. Coronation ceremony bound the sacred and the secular.

Keywords

Rite of coronation, framing Tsar power's sacred image, "aesthetics of Tsar power", Tsar insignia.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-1-132-145

REFERENCES

1. Andreev I. L. 2008. "Obraz shestvuiushchei vlasti. Pervye Romanovy v tserkovnykh i pridvornnykh tseremoniakh" [The Image of Processing Power. The First Romanovs in Church and Court Ceremonies]. In: *Obrazy vlasti na Zapade, v Vizantii i na Rusi: Srednie veka. Novoe vremia* [The Images of Western Power in Byzantine and in Russia: The Middle Ages. The New Era]. Edited by M. A. Boitsov and O. G. Eksle, pp. 245-276. Moscow.
2. Barsov E. V. 1883. *Drevnerusskie pamiatniki sviashchennogo venchaniia tsarei na tsarstvo v sviazi s grecheskimi ikh originalami. S istoricheskim ocherkom chinov tsarskogo venchaniia v sviazi s razvitiem idei tsaria na Rusi* [Old Russian Monuments of the Sacred Coronation Ceremony in Correlation with Its Greek Originals. With a Historical Essay on the Ranks of Tsar's Coronation in Correlation with the Development of the Idea of a Tsar in Russia]. Moscow.
3. Bogdanov A. P. 1995. *Chiny venchaniia rossiiskikh tsarei. Kul'tura srednevekovoi Moskvy XIV-XVII vv.* [Ranks of Russian Tsars' Coronation. The Culture of Medieval Moscow in XIV-XVII Centuries], pp. 211-224. Moscow.
4. *Bozhestvennaia Liturgiia Sviatogo Ottsa nashego Vasiliia Velikogo. Sluzhebnik* [Divine Liturgy of St. Basil the Great, Our Father. Missal]. <http://azbyka.ru/bogosluzhenie/sluzhebnik/slug06.shtml>
5. Bulgakov S. V. 1993. *Nastol'naia kniga dlia sviashchenno-tserkovno-sluzhitelei: Sbornik svedenii, kasaiushchikhsia preimushchestvenno prakticheskoi deiatel'nosti otechestvennogo dukhovenstva* [Handbook for the Sacred Church Servants: Compendium of Information Concerning Mainly Practical Activities of the Domestic Clergy]. Moscow.
6. Gladysheva E. V., Nersisyan L. V. *Slovar'-ukazatel' imen i poniatii po drevnerusskomu iskusstvu* [The Dictionary-Index of Names and Concepts on Old Slavonic Art]. <http://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-ukazatel-imen-i-ponjatij-po-drevnerusskomu-iskusstvu/257>
7. Horoshkevich A. L. 1993. *Simvoly russkoi gosudarstvennosti* [The Symbols of Russian Statehood]. Moscow.
8. Horsey J. 1990. *Zapiski o Rossii. XVI — nachalo XVII v.* [Notes on Russia. XVI — the Beginning of XVII Century]. Edited by V. L. Yanin; Translated and composed by A. A. Sevastianova]. Moscow.
9. Izvekov N. D. 1911. *Moskovskii pridvornyi Blagoveshchenskii sobor* [Moscow Court Annunciation Cathedral]. Moscow.

10. Lebedev A. 1880. Moskovskii kafedral'nyi Arkhangel'skii sobor [Moscow Archangel Cathedral]. Moscow.
11. Lebedev P. 1885. Nauka o bogosluzhenii Pravoslavnoi Tserkvi [The Science of Worship of the Orthodox Church], vol. II. Moscow.
12. Maiasova N. A. (ed.). 2002. Arkhangel'skii sobor Moskovskogo Kremliia [Archangel Cathedral of the Moscow Kremlin]. Moscow.
13. Novoe literaturnoe obozrenie. 2002. "Kak sdelana istoriia' (Obsuzhdenie knigi R. Uortmana 'Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii rossiiskoi monarkhii')" ["How to Make History" (Discussion of R. Wortman's Book "Scenarios of Power. The Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy")]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no 56(4), pp. 42-66.
14. Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete Collection of Russian Chronicles]. 1978. Vol. XXXIV. Moscow, Leningrad.
15. Shchapov Ya. N. 1995. K izucheniiu "China venchaniia na tsarstvo" Ivana IV [To the Study of "the Coronation Rite" of Ivan IV]. In: Sakharov A. N. (ed.). 1995. "Rimsko-konstantinopol'skoe nasledie na Rusi: Ideia vlasti i politicheskaia praktika". Proceedings of the 9th International Historical Research Seminar "Ot Rima k Tret'emu Rimu" (Moscow, May 29-31, 1989) [Roman-Constantinople heritage in Russia: The idea of power and political practice: IX International Seminar of Historical Research "From Rome to the Third Rome" (Moscow, 29-31 May 1989)], pp. 213-225. Moscow.
16. Simeon (sviashchenoinok). Kanony prazdniku Preobrazheniia Gospoda Boga i Spasa nashego Iisusa Khrista [The Canons of the Feast of the Transfiguration of the Lord God and Savior Jesus Christ]. http://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogosluzhenie/kanony-prazdniku-preobrazhenija-gospoda-boga-i-spasa-nashego-iisusa-hrista
17. Smirnova E. S. (ed.). 1985. Uspenskii sobor Moskovskogo Kremliia: Materialy i issledovaniia [Uspenskii Sobor of the Moscow Kremlin: Materials and Research]. Moscow.
18. Snegirev I. M. 1854. Blagoveshchenskii sobor v Moskve [Annunciation Cathedral in Moscow]. Moscow.
19. Snegirev I. M. 1865. Arkhangel'skii sobor v Moskovskom Kremle [Archangel Cathedral in the Moscow Kremlin]. Moscow.
20. Soboleva N. A. 1997. Simvoly russkoi gosudarstvennosti: (K istorii emblem Rossiiskoi derzhavy) [Symbols of Russian Statehood: (To the History of the Russian State Symbols)]. In: Sakharov A. N., Katalano P. (eds). 1997. "Rim, Konstantinopol', Moskva: sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie tsentrov ideologii i kul'tury do XVII v." Proceedings of the 6th International Historical Research Seminar "Ot Rima k Tret'emu Rimu" (Moscow, May 28-30, 1986), pp. 314-325. Moscow.
21. Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khраниashchikhsia v gosudarstvennoi kollegii inostrannykh del [Collection of State Charters and Treaties, Stored in the State Collegium of Foreign Affairs]. 1819. Vol. II. Moscow.
22. Sviatitel Filaret Moskovskii (Drozdov). Molitvy [Prayers]. http://azbyka.ru/otechnik/Filaret_Moskovskij/molitvy
23. Tolstaya T. V. 2009. Uspenskii Sobor: putevoditel' [Uspenskii Cathedral: A Guide]. Moscow.

24. Uspenskiy B. A. 1998. Tsar' i Patriarkh: kharizma vlasti v Rossii (Vizantiiskaia model' i ee russkoe pereosmyslenie) [Tsar and the Patriarch: The Charisma of Power in Russia (the Byzantine Model and Its Russian Rethinking)]. Moscow.
25. Vladimirskaia V. V. 2003. K voprosu ob istorii stroitel'stva Blagoveshchenskogo sobora Moskovskogo Kremliia. Khudozhestvennye pamiatniki Moskovskogo Kremliia [To the Issue on the History of Constructing the Annunciation Cathedral of the Moscow Kremlin. Artwork Monuments of the Moscow Kremlin], pp. 146-163. Moscow.
26. Zhivov V. M., Uspenskiy B. A. 1987. Tsar' i Bog: Semioticheskie aspekty sakralizatsii monarkha v Rossii [Tsar and God: Semiotic Aspects of Sacralization of a Monarch in Russia] Iazyki kul'tury i problemy perevodimosti [Languages of culture and the problems of translation], pp. 47-153. Moscow.